

«МОБИЛИЗАЦИЯ

Мобилизационная готовность РККА и начальный период Великой Отечественной войны

ДАВНО закончилась Великая Отечественная война, но до сих пор продолжают споры о степени готовности к ней Советского Союза и его Вооруженных Сил. И действительно, судя по тому, что в начале войны было достаточно поражений, можно говорить о неготовности Красной Армии к боевым действиям. Однако победила именно она. Как показала история, многое зависело от степени мобилизационной и боевой готовности страны и армии.

Стремление враждующих сторон упредить противника в проведении мобилизации и развертывании войск и сократить тем самым до возможного минимума промежуток времени между моментом принятия решения о вступлении в войну и вводом в первые сражения главных сил проявляло себя в истории как устойчивая тенденция¹. В XX веке эта тенденция была осознана военной наукой, рекомендации которой легли в основу системы мер по мобилизационной подготовке страны и армии к войне.

Важнейшей задачей, определявшей характер мобилизации страны и армии, была проблема содержания начального периода возможной войны. Ее разработкой занимались многие видные советские военачальники. Труды М.В. Фрунзе, Б.М. Шапошникова, Р.П. Эйдемана, М.Н. Тухачевского, А.И. Егорова свидетельствуют о том, что их авторы отмечали постоянное сокращение начального периода войны, вовлечение в него все больших масс войск, возрастающее влияние его на дальнейший ход, а возможно, и исход боевых действий. Военные деятели обращали особое внимание на повышение роли мобилизации². В исследуемый период мобилизационная готов-

ность выражалась в накоплении материальных средств для повышения боеспособности войск в преддверии войны, мобилизационном планировании и осуществлении основных мероприятий по приведению войск в боеготовое состояние.

Советская система мобилизационной готовности сложилась не сразу. Для понимания степени ее соответствия военной практике необходим экскурс в историю.

Впервые в мирное время потребовалось, чтобы Красная Армия была приведена в боеготовое состояние уже через два года после окончания гражданской войны для военной поддержки германской революции³. Задача оказалась непосильной: мобилизационных планов не существовало, необходимых запасов материальных средств тоже создать не успели, даже обмундирования для мобилизованных воинов заготовлено не было. Начальник Штаба РККА докладывал в Реввоенсовет Республики в апреле 1923 года: "Ружей имеется 38 проц., патронов - 7 проц., пулеметов - 48 проц., снарядов - 12 - 60 проц., обуви - 8 проц., хлеба - 26 проц."⁴.

Вопрос о состоянии мобилизационной готовности армии рассматривался на Пленуме ЦК. Военное ведомство подверглось сокрушительной критике, многие потеряли свои посты. С этого момента началась серьезная работа по созданию в нашей стране системы мобилизационной готовности. В 1925 году был разработан первый реально действующий мобилизационный план. В связи с обострением отношений с Великобританией в 1927 году он чуть не стал основой для развертывания войск. Накалившаяся обстановка вынудила Реввоенсовет дать

ЕСТЬ ВОЙНА...»

указания Штабу РККА приспособить вариант мобилизационного развертывания 1926 года к материальным ресурсам и мобилизации весной и осенью 1927 года⁵. Реальной проверки мобилизационной и боевой готовности Красной Армии тогда, к счастью, удалось избежать: к войне мы готовы не были. Хотя ресурсы артиллерийско-стрелкового вооружения на это время достигали почти 100 проц., воевать по-прежнему было не в чем. Нателым бельем мобилизация обеспечивалась только на 33 проц., шинелями - на 39 проц., обувью - на 41 проц.⁶

В последующие годы военное руководство стремится расширить и углубить мобилизационную работу, перевести ее из стадии планирования и накопления материальных запасов в стадию внедрения в практику войск и соответствующих государственных и народнохозяйственных органов. С этой целью в течение 1928 года прошла проверка мобилизации по 9 сборным и сдаточным пунктам, отобилизовано 7 частей. Всего планами проверочных мобилизаций в РККА было охвачено 67 различных формирований и учреждений, а планом инспекторских проверок мобработы - 430. Кроме того, мобилизационному обследованию подверглись 40 складов, почти во всех военкоматах провели мобилизационные игры⁷.

Таким образом, в 20-е годы была заложена основа системы мобилизационной готовности страны и армии, в 30-е она продолжала совершенствоваться, накапливались запасы материальных средств.

СЕРЬЕЗНОЙ проверкой мобилизационной готовности Красной Армии в середине 30-х годов явилось развертывание войск на Дальнем Востоке в связи с усилением военной угрозы со стороны Японии. В докладе наркома обороны, подготовленном летом 1934 года, говорилось, что укрепление Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) резко снизило обеспеченность остальных округов материальными средствами. Это положение

Молодежь Московского автозавода направляется на призывной пункт

не сохранялось и в 1935 году. Не хватало артвооружения и боеприпасов, авиабомб, ручных гранат, тракторов и автотранспорта, средств связи, дорожных машин и некоторых других предметов снабжения. Все имеющееся в РККА зимнее обмундирование отправили на Дальний Восток, и войска других военных округов остались без теплого вещевого имущества⁸.

В связи с тем что большое количество начсостава было направлено на форми-

рование новых частей в ОКДВА, качественное состояние кадров округов европейской части СССР резко снизилось. Значительно возрос некомплект в частях, особенно стрелковых, технических войск, а также в артиллерии. Это привело к тому, что в 1935 году нехватка начсостава составила 12 тыс. человек.

Проверка мобилизационной готовности показала, что ее система еще далека от совершенства, а количество мобилизационных запасов не соответствует реальным потребностям.

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ готовность страны и армии в предвоенный период неоднократно проходила испытание в условиях действительной военной угрозы. Объявленная после нападения Германии на Польшу в сентябре 1939 года частичная мобилизация в шести военных округах вскрыла целый ряд крупных недостатков в учете личного состава, приписанного к определенным воинским частям, путаницу в поставке формируемым частям и соединениям автотранспорта, строевых и обозных коней, упряжи, другой материальной части⁹. Ее итоги детально обсуждались на заседании Главного военного совета РККА 14 октября 1938 года. Были заслушаны доклад начальника Генерального штаба и информация военных советов Ленинградского, Белорусского и Киевского особых, Калининского, Орловского, Московского военных округов о результатах частичной мобилизации и выявленных недочетах. После тщательного обсуждения вопросов Главный военный совет предложил наркому обороны представить проекты мероприятий по мобилизационным вопросам с целью кардинального улучшения дела¹⁰.

Как отмечалось в акте приема Наркомата обороны в мае 1940 года, многие из указанных недостатков к этому времени еще не были устранены. В нем же отмечалось нарушение мобилизационного плана из-за начавшейся советско-финляндской войны, обращалось внимание на значительное количество необученных людей в числе военнообязанных запаса, устаревшие наставления по мобилизационной работе в войсках и войсковых частях¹¹. Последующая деятельность военного руководства была направлена на ликвидацию этих недостатков.

Краткий обзор работы по совершенствованию мобилизационной готовности Вооруженных Сил в 20 - 30-е годы показывает, что в этот период была создана и неоднократно апробирована система мобилизационного обеспечения развертывания войск. В процессе ее освоения выявлено немало недостатков, ошибок планирования и обеспечения, в последующем в большинстве устраненных.

ВАЖНОЙ составной частью мобилизационной готовности в исследуемый период считалась боеготовность войск¹². К разработке системы боеготовности приступили только в конце 20-х - начале 30-х годов. Важный вклад во внедрение этой системы и повышение боевой готовности войск внес И.П. Уборевич. Выступая на расширенном заседании Реввоенсовета СССР по итогам боевой подготовки в 1933 году и задачам на 1934 год, он рассказал о результатах проведенной им в Белорусском военном округе работы по повышению боевой готовности частей. Документы по мобилизационной готовности определяли время вступления в бой: авиации - 2 ч, наземных войск - 6 ч. В результате напряженной шестинедельной работы всего командного состава округа удалось добиться того, что истребители поднимались в воздух через 45 мин, легкие бомбардировщики - спустя 1 ч 10 мин. На выход стрелковых и кавалерийских частей с танками и в полном снаряжении требовалось 2 ч. При этом И.П. Уборевич считал, что установленные сроки "совершенно недостаточны, совершенно недопустимы, опасны с точки зрения современного положения пограничной авиации, что противник ее всей массой может застукать на аэродромах и уничтожить"¹³.

На этом же заседании начальник Управления ВВС Я.И. Алкснис заявил, что авиация еще в мирное время должна быть "так натренирована и подготовлена, чтобы в случае войны, особенно в начале ее, [могла] вылетать не через 2 - 3 ч с момента объявления войны, а через 2 - 3 мин с момента получения приказа или предупреждения о налете противника"¹⁴. С этой целью он предлагал "создать и узаконить 3 положения: положение нормальное - обычная учеба, положение усиленное и положение угрожающее и четко регламентировать каждое из этих положений. Следует в мирное время почаще переводить авиацию из одного положения в другое или по отдельным частям, или по отдельным гарнизонам и даже целым округам"¹⁵.

Работа, проведенная И.П. Уборевичем и Я.И. Алкснисом в начале 30-х годов, была продолжена, а ее результаты легли в основу предвоенных нормативов приведения войск в боевую готовность.

Согласно действовавшим в 1941 году документам боевая тревога могла быть объявлена в двух вариантах: без вывода или с выводом боевой материальной части. Время готовности воинских частей с момента объявления тревоги устанавливалось для стрелковых, артиллерийских и кавалерийских соединений - 2 ч, танковых и моторизованных - 3 ч летом и 4 ч зимой. При наличии теплых

гаражей сроки готовности зимой сокращались на 1 ч. С учетом степени подготовленности частей и состояния аэродромов на летний период устанавливались следующие ориентировочные сроки: для полков бомбардировочной авиации - до 1 ч 30 мин, истребительной - 25 - 30 мин, штурмовой - от 30 мин до 1 ч. Конкретные сроки для каждого авиаполка устанавливал командующий ВВС округа.

В истребительной авиации после объявления тревоги должны были приводиться в готовность к отражению налетов противника дежурные силы. Для этого на каждом аэродроме планировалось иметь по одной авиационной эскадрильи от истребительного полка. Готовыми к немедленному вылету полагалось содержать 1 - 2 звена. Приказ на подъем частей по боевой тревоге предусматривалось передавать письменно и устно: по телефону, телеграфу, радиосигналом или установленным сигналом.

Проверки приведения войск в боевую готовность в западных военных округах выявили целый ряд недостатков. В целях их устранения, повышения слаженности подразделений и проверки их боевой готовности предусматривалось проведение мероприятий по сигналу учебной тревоги¹⁶.

Перед войной была отработана достаточно надежная система приведения войск в боевую готовность, но воспользоваться ею не сумели. Вина за это лежит целиком на высшем политическом руководстве страны.

ВАЖНЫМ элементом стратегического планирования являлось мобилизационное планирование военного промышленного производства, включавшее определение норм запасов предметов боевого снабжения, необходимых для мобилизационного развертывания армии и снабжения ее в начальный период войны, а также разработку мобилизационных заданий для промышленности. Мобилизационное планирование велось на условный военный год. Одновременно разрабатывались мобилизационные планы и на более продолжительный период - на 3 - 5 лет¹⁷.

Начало работ по мобилизационной подготовке военного производства относится к 1925 году, когда Штаб РККА приступил к разработке мобилизационной задачи на 1927 год. Касавшаяся только боеприпасов и предусматривавшая поставки в первый военный год 37,9 млн артиллерийских выстрелов и 3022 млн винтовочных патронов, она тем не менее была явно не под силу нашей промышленности и поэтому ей не предъявлялась.

Впервые заявка годовой потребности основных предметов снабжения была

создана и передана промышленности в 1926 году. Она включала в себя всю номенклатуру материальных средств, необходимых для ведения боевых действий¹⁸.

Первая перспективная мобилизационная заявка Народного комиссариата по военным и морским делам была составлена в 1928 году. Сначала ее всесторонне изучала Правительственная комиссия, возглавляемая К.Е. Ворошиловым, а затем в июле того же года рассматривало Распорядительное заседание (РЗ) Совета Труда и Оборона. Госплан СССР посчитал, что она непосильна для промышленности. Суммарная стоимость заявки составляла около 5 млрд руб., что превышало военный бюджет 1932 года¹⁹. На протяжении всей первой пятилетки отмечался рост диспропорции между мобилизационной потребностью в материальных средствах и возможностью их производства.

Перспективная мобилизационная заявка на очередное пятилетие составлялась в середине 1933 года и предусматривала развитие военно-производственной базы СССР на вторую пятилетку в масштабах, обеспечивающих превосходство над самым могущественным противником в Европе по основным видам вооружения на продолжительный период войны²⁰.

Перед войной запросы на материальное обеспечение будущих боевых действий еще более возросли. При обсуждении мобилизационной заявки Наркомата обороны на 1939 год Комитет обороны сократил ее примерно на 10 проц., и тем не менее оказалось, что промышленность не в состоянии обеспечить ее в полном объеме.

В середине июня 1940 года НКО представил в Комитет обороны вариант заявки на 1940/41 военный год. Для рассмотрения ее было создано несколько комиссий и подкомиссий, которые, завершив свою работу к октябрю 1940 года, не урегулировали разногласий с промышленностью, отказавшейся принять мобилизационное задание в установленном объеме²¹. Подобная реакция представителей промышленности объясняется совершенно нереальными требованиями армии, предусматривавшими получение от заводов в первом году войны 59,4 тыс. орудий, 40,5 тыс. минометов, 3,8 млн винтовок, 235 тыс. пулеметов, 296 млн артиллерийских выстрелов. В первоначальном варианте только стоимость поставки боеприпасов составляла 53,6 млрд руб., в то время как вся расходная часть государственного бюджета равнялась 174 млрд руб., а смета НКО насчитывала 47 млрд²².

Причину постоянного завышения мобилизационных заявок специалисты

Принятие
военной присяги
красноармейцами
1939 г.

Главного ракетно-артиллерийского управления ныне объясняют тем, что "среди работников военведа с течением времени укреплялась точка зрения, что только путем предъявления промышленности повышенных требований можно принудить ее полнее раскрывать свои возможности и стимулировать рост ее мобилизационных мощностей"²³. С другой стороны, вероятно, имело место естественное желание военных обеспечить полное материальное снабжение войск в случае любой ширококомасштабной войны. При этом они зачастую не считались с возможностями промышленности.

Как и следовало ожидать, мобилизационная заявка Наркомата обороны на 1940/41 военный год до промышленности доведена не была. Мобилизационный промышленный план, принятый в 1939 году, решением Комитета обороны в июне 1940 года был отменен. В результате промышленность целый год развивала свои мощности на основе старого плана и текущих заказов. Только 6 июня 1941 года, за две недели до начала войны, ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили мобилизационный план по боеприпасам. Проект плана по вооружению так и не был утвержден²⁴.

БОЛЬШАЯ работа по повышению мобилизационной готовности армии была проведена военным руководством в преддверии войны. В августе 1940 года Главный военный совет РККА принял решение о разработке мобилизационного плана, который надлежало ввести в действие к 1 мая 1941 года. 3 октября 1940 года нарком обороны утвердил календарный план работ по созданию этого документа. Из-за задержки решения вопроса о количестве призываемых возрастов округа не получили директиву о комплектовании войск, и намеченные сроки разработки мобилизационного плана были сорваны.

В феврале 1941 года Г.К. Жуков представил правительству новый мобилизационный план (МП-41). После тщательного рассмотрения его утвердили. Разработку документов по мобилизационному плану предписывалось начать немедленно с расчетом завершения ее как в центре, так и на местах к 1 июля 1941 года. Если же учесть, что мобилизационный план промышленности не был утвержден до начала войны, становится ясно, что работа по созданию его материального обеспечения либо не проводилась, либо находилась в начальной стадии. Из этого следует, что оценивать ее исходя из соответствия имеющихся запасов цифрам и заданиям, содержащимся в МП-41, по крайней мере некорректно. Поскольку официальных документов не было, работа военных и государственных органов по созданию мобилизационных запасов только началась. Завершить ее планировалось к концу 1941 - началу 1942 года.

Согласно мобилизационному плану Вооруженные Силы намечалось развернуть в составе: 303 дивизий сухопутных войск (стрелковых - 198, танковых - 61, моторизованных - 31, кавалерийских - 13), 346 авиаполков, 5 управлений воздушно-десантных корпусов, 10 отдельных противотанковых артиллерийских бригад, 94 корпусных артиллерийских полков, 72 артиллерийских полков РГК.

После мобилизационного развертывания численность армии должна была составить 8,9 млн человек. В ее составе планировалось иметь: 32 628 самолетов (из них 22 171 боевой), 37 тыс. танков, 10 679 броневедомостей, около 91 тыс. тракторов, 595 тыс. автомобилей²⁵.

ДОСТАТОЧНО полную оценку состояния обеспеченности и мобилизационного развертывания Красной Армии накануне войны удалось обнаружить лишь по вооружению и боеприпа-

сам. Она дана в труде Главного ракетно-артиллерийского управления, изданном в 1977 году²⁶. По мнению его авторов, в среднем обеспеченность мобилизационного развертывания армии орудиями наземной артиллерии была более чем достаточной (107,5 проц., с учетом 10 проц. орудий, требовавших ремонта в мастерских и на заводах), зенитными орудиями вполне удовлетворительной (94,5 проц.), но по малокалиберным пушкам комплект оказался большим - около 72 проц., а если учесть потребность мобзапаса, и того больше. По этой причине около 73 проц. общего числа стрелковых дивизий не были обеспечены 37-миллиметровыми зенитными пушками, а остальные имели лишь по 4 пушки, тогда как по штату полагалось 8.

Обеспеченность мобилизационного развертывания армии минометным вооружением в среднем была несколько лучше, чем орудиями (119 проц.), но имелся недостаток в 120-миллиметровых минометах, нехватка которых стала остро ощущаться в первые же месяцы войны.

Общая потребность в орудиях и минометах в целом покрывалась их наличием: требовалось всего 109 735 орудий и минометов, а имелось в наличии 112 640. Однако если вычесть 50-миллиметровые минометы, то общая картина изменится. В этом случае имевшееся в наличии вооружение (76 316 орудий и минометов) не обеспечивало полного развертывания армии (98 проц.), так как для этого было необходимо 77 293 орудия и миномета. Положение осложнялось еще и тем, что недоставало отдельных видов артиллерийского вооружения, что создавало трудности в обеспечении новых формирований орудиями и минометами в начальный период войны.

Обеспеченность винтовками была достаточной (117 проц.). А вот снайперских винтовок явно не хватало, что не могло не повлиять на боеспособность армии. Таким же было положение с автоматическим оружием. Значительный комплект пистолетов-пулеметов (всего было 25 проц. от потребности на мобразвертывание) существенным образом снижал возможности пехоты в применении автоматического огня. Недостаток зенитных пулеметов (25 проц.) не обеспечивал войскам надежную защиту от воздействия воздушного противника с малых высот. Количество ручных и станковых пулеметов удовлетворяло мобилизационное развертывание на 92 и 101 проц. соответственно.

Общий объем всех накопленных боеприпасов составлял 88 тыс. вагонов, в том числе артиллерийских выстрелов - 64,2 тыс., мин - 5,5 тыс. и боеприпасов стрелкового вооружения и ручных гранат

- 18,3 тыс. Если исходить из установленных в апреле 1941 года норм расхода боеприпасов на год ведения войны, то накопленных к ее началу неприкосновенного и мобилизационного запасов артиллерийских выстрелов могло хватить в среднем на 1,8 месяца, мин - на три недели ведения боевых действий²⁷. Этого времени было, безусловно, недостаточно для от мобилизования промышленности, и тем самым как бы предreshались серьезные затруднения в снабжении действующей армии боеприпасами. Однако если оценивать накопленные в мирное время запасы с точки зрения их расхода в третьем периоде Великой Отечественной войны, наиболее насыщенном напряженными боевыми действиями Красной Армии с применением крупных масс артиллерии, то оказывается, что боеприпасов должно было хватить: для наземной артиллерии - на 5 месяцев, а для минометов - на 2 месяца. Эти сроки являлись вполне достаточными для полного от мобилизования промышленности, поскольку организация массового производства минометных выстрелов не представляла больших трудностей и могла быть осуществлена за короткий промежуток времени²⁸.

Следовательно, опыт войны не дает оснований рассматривать довоенные запасы артиллерийско-минометных выстрелов как катастрофически малые. По своему суммарному объему они обеспечивали нормальную боевую деятельность войск в течение всего начального периода войны. В то же время не подлежит сомнению тот факт, что по отдельным номенклатурам выстрелов ресурсы были действительно чрезвычайно малы. Ощущался явный недостаток 76-миллиметровых бронебойных, 37- и 85-миллиметровых зенитных, 120-миллиметровых минометных выстрелов. Острый кризис в снабжении армии боеприпасами, возникший в первые месяцы войны, обусловливался главным образом большими потерями запасов боеприпасов на складах и базах, а не их боевым расходом, который был более чем умеренным.

ПРЕДСТАВЛЯЕТ интерес сравнение общих ресурсов артиллерийских боеприпасов СССР и Германии, которыми они располагали к началу Великой Отечественной войны: По запасам выстрелов на единицу вооружения сравнение явно не в пользу СССР (1:4 по минам и артиллерийским боеприпасам и 1:2,8 по артвыстрелам). В то же время наша армия к началу войны имела почти в 2 раза больше орудий и минометов среднего калибра и почти в 1,5 раза меньше боеприпасов, чем немецкая. Если же ресурсы боеприпасов Красной Армии распределить на равное с немецкой армией количество вооружения, т.е.

42 млн на 27,5 тыс., то обеспеченность одного советского орудия (миномета) повысится до 1500 выстрелов и составит 75 проц. обеспеченности каждого орудия (миномета) в немецкой армии²⁹, а это не так уж мало.

Приведенные данные говорят о том, что не могло быть и речи о каком-либо абсолютном превосходстве вермахта над Красной Армией в артиллерии. Даже преимущество в ресурсах боеприпасов Германия имела, как видим, относительное, так как оно ослаблялось превосходством Красной Армии в количестве артиллерийского вооружения.

В АЖНЫМ обстоятельством, во многом определяющим боеспособность войск, было размещение вооружения и боеприпасов на театрах военных действий. Так, значительные ресурсы вооружения нашей армии были сосредоточены в западных приграничных военных округах, прежде всего в БОВО и КОВО. Каждый из них имел в среднем по 10 000 орудий и минометов, что не уступало уровню насыщенности артиллерии Центрального и Воронежского фронтов в ходе Курской битвы, имевших в среднем по 9000 орудий и минометов каждый и блестяще решивших задачу по отражению мощнейших ударов противника и последующего его разгрома. В свете этого опыта становится ясно, что с точки зрения количества вооружения западные приграничные округа обладали к началу войны достаточно высокими оборонительными возможностями. Во всяком случае, тот некомплект артиллерийского, минометного и стрелкового вооружения, который имел место накануне войны, не мог быть определяющей причиной столь неблагоприят-

ного для Красной Армии развития событий в ее начальный период.

На распределение боеприпасов между театрами военных действий решающее влияние оказывали время доставки их из центра и оперативно-стратегическое значение ТВД. В западных приграничных военных округах было сосредоточено 75 проц. всех ресурсов артиллерийских выстрелов, 84 проц. мин, 80 проц. винтовочных и pistolетных патронов, 87 проц. ручных гранат. На центральных базах и складах Главного артиллерийского управления хранилось: 20 проц. ресурсов артиллерийских выстрелов, 9 проц. мин, 11 проц. винтовочных и pistolетных патронов, 2 проц. ручных гранат. При таком эшелонировании запасов ограничивались возможности их маневра, поскольку резервы центра были невелики, а переброска боеприпасов с одного театра военных действий на другой в условиях значительной отдаленности их друг от друга требовала много времени³⁰.

Ответственность за размещение боеприпасов и других материальных запасов целиком лежала на Главном военном совете РККА в лице С.К. Тимошенко, Г.К. Жукова, Г.И. Кулика, Л.З. Мехлиса, Е.А. Щаденко³¹.

Запасы в войсках и на складах по состоянию на 22 июня 1941 года позволяли обеспечить формирования военного времени: танками всех видов - на 60 проц., в том числе: тяжелыми - на 13 проц., средними (Т-34 и Т-26) - на 7 проц. и легкими - на 133 проц. Промышленность в 1941 году могла поставить 4620 танков, включая 900 танков KB, 2500 Т-34. В этом случае обеспеченность танками могла составить около 70 проц. по новому мобилизационному плану. Обеспеченность ВВС самолетами

Количество вооружения и боевой техники в РККА и армиях вероятного противника в 1927 - 1941 гг. (согласно оперативным планам)³²

Наименование вооружения и боевой техники	Количество вооружения и боевой техники по годам					
	1927	1929	1933	1935	1939	1941
Танки РККА	70	86	4538	10180	21100	23815
Танки (вероятный противник)	218	182	592	1466	3200	10000
Пулеметы РККА	31820	42561	98000	137414	210000	255000
Пулеметы (вероятный противник)	42500	19150	81000	—	—	—
Орудия и минометы РККА	6413	8550	15410	18500	55800	110460
Орудия и минометы (вероятный противник)	—	4197	4707	7135	6000	61000
Самолеты РККА	780	1285	3165	5893	10000	15986
Самолеты (вероятный противник)	1000	1201	2441	2771	4405	10000

составляла около 80 проц., в том числе боевой авиации - 67 проц.³³

За показателями, свидетельствующими о неполном удовлетворении потребностей мобилизационного развертывания в танках и самолетах, в действительности стоит абсолютное и относительное количественное превосходство РККА по всем этим видам вооружения не только над вермахтом (см. таблицу), но и над любой армией мира того времени. По оценкам Г.К. Жукова, промышленность дала все, что могла, и "невозможно было бы желать какого-либо кардинального, общехозяйственного изменения в предвоенной экономике"³⁴.

МОБИЛИЗАЦИОННОЕ обеспечение РККА по другим видам материальных средств также в основном не внушало опасений. На 1 июня 1941 года в запасе имелось 1 197 629 т горючего и смазочных материалов, т.е. 96,8 проц. установленного мобилизационного запаса. Из-за недостатка емкостей в приграничных округах их запасы частично хранились на базах Московского, Орловского и Харьковского военных округов, нефтебазах Главнефтебывта, что привело к наличию в приграничных округах лишь 10 - 40 проц. мобилизационной потребности³⁵.

Обеспеченность в период развертывания армии продуктами была достаточной и составляла по зерну, муке, крупе, сахару, макаронам, чаю, соли 3 - 4 месяца, а по мясу и махорке - 2 месяца³⁶. Потребности армии военного времени в вещевом имуществе в основном удовлетворялись полностью, за исключением вещевых мешков (95,7 проц.), котелков (80,5 проц.), шапок-ушанок (84,2 проц.)³⁷.

Несмотря на то что по штатам мирного времени войска были укомплектованы автомобилями почти на 90 проц., грузоподъемность автотранспорта была крайне низкой и не обеспечивала нормальную боевую деятельность. Получение из народного хозяйства автомобилей не решало задач мобилизационного развертывания автомобильных войск³⁸.

В целом запасы материальных средств были достаточными для мобилизационного развертывания армии, однако организация и состояние тыла не могли полностью обеспечить бесперебойную поставку их войскам³⁹.

Автором было проанализировано более 30 показателей, отражающих материальную обеспеченность мобилизационного развертывания армии в стрелково-артиллерийском вооружении, танках, самолетах, транспортных средствах, боеприпасах, технических и специальных средствах, по основным видам вещевого имущества за 1921 - 1941 гг. Результаты компьютерного анализа говорят о том, что никогда еще наша армия

не была так хорошо укомплектована, обеспечена материальными средствами, как в предвоенный период. Конечно, не обошлось и без недостатков, но по основным видам техники, боеприпасов и запасов материальных средств РККА была обеспечена не хуже, чем в период проведения своих победоносных операций во второй половине войны.

Имевшиеся материальные запасы и система мобилизации обеспечивали развертывание армии, значительно превосходящей армию фашистской Германии по количеству вооружения и боевой техники, в основном обеспеченной другими материальными средствами в количестве, позволяющем эффективно вести боевые действия в начальном периоде войны. Поражения начального периода объясняются тем, что армию не успели развернуть. Огромные потенциальные возможности не были реализованы, вернее, они были реализованы позже. Для того чтобы понять, почему так произошло, надо вернуться к вопросу об изменениях в характере начального периода войны.

ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ, более совершенных видов вооружения и техники придало боевым действиям качественно иной характер. Война в Европе показала, что немцы начинали военные действия заранее отмобилизованными и развернутыми силами, вкладывая в первоначальный удар всю их мощь. В числе первых советских военных теоретиков эти изменения отметил Г.С. Иссерсон в работе "Новые формы борьбы", вышедшей в 1940 году⁴⁰. Конечно, вывод о том, что войну агрессор начнет отмобилизованными и развернутыми силами, безусловно важен, но еще важнее было разработать меры по успешному отражению внезапного мощного удара. Г.С. Иссерсон, как, впрочем, и другие военные теоретики того времени, об этом ничего не пишет. Современные исследователи также обходят молчанием вопрос: а что же надо было сделать, чтобы армией мирного времени отразить удар противника, в который вложена вся мощь его армии военного времени? Это молчание неудивительно. Как показала практика, ответить на этот вопрос в тех условиях никто не мог.

Большинство современных исследователей, отмечая важность методологического положения, высказанного Г.С. Иссерсоном, утверждают, что советская военная практика не сделала из него должных выводов. В подтверждение обычно приводят цитату из воспоминаний Г.К. Жукова о том, что "при переработке оперативных планов весной 1941 года практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде"⁴¹. Дей-

ствительно, в оперативных планах была заложена старая схема начала войны, однако это не значит, что военное руководство не делало попыток адекватно ответить на вызов времени.

В оперативном плане 1940 года предусматривалось в случае угрозы войны привести все вооруженные силы в полную боевую готовность, немедленно провести в стране войсковую мобилизацию, развернуть войска до штатов военного времени согласно мобилизационному плану, сосредоточить и развернуть все отобюрозованные части и соединения в районах западных границ⁴².

В "Соображениях по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками", разработанных в мае 1941 года, предлагалось "упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск"⁴³.

Таким образом, теоретически военное руководство нашло ответ на немецкий блицкриг: либо мобилизация, либо советская "молниеносная война". Еще в 20-е годы известный военачальник и военный теоретик Б.М. Шапошников в своем труде "Мозг армии" отметил, что мобилизация - одиум (т.е. преддверие) войны. Более того, он писал: "Мобилизация есть война, и иного понимания ее мы не мыслим"⁴⁴.

Содержать отобюрозованную армию для иных целей, кроме войны, не может себе позволить ни одно государство: экономика не выдерживает напряжения, а бездействующая отобюрозованная армия начинает разлагаться.

Как известно из воспоминаний Г.К. Жукова, предложение о превентивном ударе по вермахту И.В. Сталин категорически отверг⁴⁵. После этого единственным реальным ответом на немецкую угрозу оставалась мобилизация и развертывание армии, которое могло быть осуществлено лишь по особому указанию правительства, т.е. того же И.В. Сталина. Распорядиться же таким образом И.В. Сталин мог лишь будучи твердо уверенным в том, что Германия нападет на СССР. Несмотря на то что частично скрытая мобилизация и развертывание войск начались еще в мае, твердая уверенность И.В. Сталина в неизбежной войне появилась только 21 июня 1941 года. Тогда и была подписана директива о приведении войск в боевую готовность.

Г.К. Жуков считал, что если бы даже вождь последовал рекомендациям военных и привел войска в боевую готовность раньше, "эти мероприятия не гарантировали бы полного успеха в отра-

жении вражеского натиска, так как силы сторон были далеко не равными. Но наши войска могли бы вступить в бой более организованно и, следовательно, нанести противнику значительно большие потери"⁴⁶. Из этого высказывания полководца видно, что он не считал возможным одержать победу в начальном периоде неотмобилизованными силами и не видел положительного решения проблемы этого периода в том виде, в каком ее поставила реальная война.

СЕГОДНЯ нередко пишут, что война застала армию в самый неблагоприятный момент: во время развертывания, формирования новых соединений и частей, перехода на штаты военного времени. Представим себе, что эти мероприятия не проведены, соединения и части укомплектованы по штатам мирного времени, и их количество почти в два раза меньше, чем необходимо. Численность армии также почти в 2,5 раза меньше той, которая должна быть по военному времени, и ей еще надо отобюрозоваться и развернуться, т.е. провести те мероприятия, которые все же частично были проведены перед войной. Могла эта армия отразить немецкий удар? Конечно, нет.

Выиграть же первые сражения войны Красная Армия могла бы при условии, что дата нападения стала бы точно известна как минимум за 30 суток (время, необходимое для мобилизации) до начала агрессии. Но и в этом случае Гитлер всегда имел возможность опередить нас, сорвать мобилизацию и развертывание, поскольку его войска были уже отобюрозованы и готовы для нанесения удара.

Другим условием победы в самом начале войны можно было бы считать нанесение Красной Армией превентивного удара, как это предлагали сделать в мае военные. Иных путей победоносного исхода начального периода не существовало.

¹ Начальный период войны. М.: Воениздат, 1974. С. 25.

² Фрунзе М.В. Избранные произведения. М.: Воениздат, 1951. С. 254; Шапошников Б.М. Мозг армии: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917 - 1940 гг.). М.: Воениздат, 1965. С. 190 - 218.

³ Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924 - 1925 гг.). М.: Воениздат, 1958. С. 63.

⁴ РГВА, ф. 33987, оп. 1, д. 583, л. 247.

⁵ Там же, ф. 4, оп. 18, д. 4, л. 118; д. 10, л. 319; д. 11, л. 141, 151, 351.

⁶ Там же, оп. 1, д. 860, л. 3.

⁷ Там же, д. 993, л. 46.

⁸ Там же, оп. 14, д. 1230, л. 21.

⁹ Мартыненко Н.С. Деятельность Комитета обороны при Совете Народных Комиссаров

СССР. 1937 - 1941 гг.: опыт и уроки. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 84.

¹⁰ РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 46, л. 212.

¹¹ Акт приема Наркомата обороны СССР С.К. Тимошенко от К.Е. Ворошилова / Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. М.: Терра, 1994. Т. 13. С. 298.

¹² В 30-е годы понятие боевая готовность определялось как "способность войск вступить в бой с противником в различных условиях". Забота о боеготовности выражалась в "обеспечении войск всем необходимым для боя, в поддержании высокого политико-морального состояния бойцов и в предотвращении случайностей, нарушающих ход боевых действий" (Советская Военная Энциклопедия. М.: Советская Энциклопедия, 1933. С. 480).

¹³ РГВА, ф. 4, оп. 14, д. 1041, л. 347 - 348.

¹⁴ По данным доклада начальника Штаба РККА, в 1932 году среднее время готовности к вылету составляло: для истребительной эскадрильи - 20 - 40 мин, легкомобильной - 20 - 30 мин, армейских разведчиков - 30 - 40 мин, тяжелых бомбардировщиков (без бомб) - 2 - 3 ч (РГВА, ф. 4, оп. 14, д. 1017, л. 32).

¹⁵ РГВА, ф. 4, оп. 14, д. 1041, л. 245.

¹⁶ *Хорьков А.Г.* Грозной июнь: Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1991. С. 128 - 129.

¹⁷ Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг. М.; Тула, 1977. С. 158 - 161.

¹⁸ РГВА, ф. 4, оп. 1, д. 1107, л. 56.

¹⁹ Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг. С. 189 - 191; РГВА, ф. 51, оп. 2, д. 448, л. 2.

²⁰ Промышленность СССР должна была достичь к 1938 г. производственных мощностей, обеспечивающих выпуск в течение года 53 тыс. орудий, 90 тыс. танков, 60 тыс. самолетов. Взгляды на ее возможности формировались под влиянием М.Н. Тухачевского. Сравнение желаемого с реальными возможностями советской промышленности в годы войны показывает чрезмерность запросов военного ведомства. Достигнуть плановых показателей к началу Великой Отечественной войны в СССР не смогли. Лишь за последний военный год удалось, постоянно наращивая производство, выпустить 69 тыс. орудий и минометов, 41 тыс. танков и САУ, 48 тыс. боевых самолетов (Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг. С. 196; 50 лет Вооруженных Сил СССР. М.: Воениздат, 1968. С. 309 - 310).

²¹ О стремлении к завышению планируемых цифр было известно и высшему партийно-государственному руководству. В своих воспоминаниях Г.К. Жуков пишет о том, что И.В. Сталин предупреждал его о необходимости "исходить из наших реальных возможностей и не фантазировать насчет того, что мы пока материально обеспечить не можем". (Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. 2-е изд., доп. М.: Изд-во АПН, 1974. С. 232).

²² РГВА, ф. 51, оп. 2, д. 527, л. 544; Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг. С. 200 - 201.

²³ Там же. С. 202.

²⁴ Там же. С. 203.

²⁵ *Анфилов В.А.* Грозное лето 41 года. М.: "Анkil-Воин", 1995. С. 77.

²⁶ Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг. С. 245 - 284.

²⁷ На эти показатели часто ссылаются для обоснования недостаточности накопленных запасов боеприпасов. Например, см.: *Великая Отечественная война советского народа*. М.: Изд. Института военной истории МО РФ, 1995. Т. 1. Ч. 3. Кн. 2. С. 178.

²⁸ Приведенные расчеты свидетельствуют о значительной завышенности нормативов расхода боеприпасов, принятых перед войной, над оптимальными, выявившимися в ходе войны.

²⁹ Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг. С. 263.

³⁰ Там же. С. 271 - 272.

³¹ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1973. С. 112 - 113; *Жуков Г.К.* Указ. соч. С. 239.

³² Составлено по: Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне. Кн. 1; Боевой и численный состав ВС СССР в период Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг. М.: Изд. Института военной истории МО РФ, 1994. Сб. № 1; История второй мировой войны 1939 - 1945 гг. М.: Воениздат, 1974. Т. 3; История отечественной артиллерии. Т. 3. Кн. 8. Советская артиллерия в период между гражданской и Великой Отечественной войнами (1921 - июнь 1941 г.). М.; Л., 1964; *Печенкин А.А.* Была ли возможность наступать? // Отечественная история. 1995. № 3. С. 44 - 57; РГВА, ф. 33987, оп. 6, д. 11, л. 3; ф. 4, оп. 1, д. 1107, л. 5; оп. 14, д. 1309, л. 7; ф. 51, оп. 2, д. 573, л. 1; ф. 54, оп. 1, д. 1095, л. 41; Советские Вооруженные Силы: История строительства. М.: Воениздат, 1978; *Шумихин В.С.* Советская военная авиация 1917-1941. М.: Наука, 1986. С. 238.

³³ *Горьков Ю.А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь: Риф, 1995. С. 42. Следует учитывать, что самолетный парк на 82 проц. состоял из устаревших, ветхих и изношенных машин с ограниченным летным ресурсом, которые, несмотря на неоднократные модификации, по своим летно-техническим качествам, прежде всего по скорости, значительно уступали самолетам фашистской Германии. См.: *Шумихин В.С.* Указ. соч.

³⁴ *Жуков Г.К.* Указ. соч. С. 214.

³⁵ Великая Отечественная война советского народа. Т. 1. Ч. 3. Кн. 2. С. 180.

³⁶ Великая Отечественная война советского народа. М.: Изд. Института военной истории МО РФ, 1995. Т. 1. Ч. 3. Кн. 2. С. 178.

³⁷ Там же. С. 184.

³⁸ Там же. С. 191.

³⁹ Там же. С. 195.

⁴⁰ Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917 - 1940 гг.). М.: Воениздат, 1965. С. 426 - 428.

⁴¹ *Жуков Г.К.* Указ. соч. С. 239.

⁴² Там же. С. 249.

⁴³ Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 41.

⁴⁴ *Шапошников Б.М.* Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1974. С. 558.

⁴⁵ *Анфилов В.А.* Указ. соч. С. 67.

⁴⁶ *Жуков Г.К.* Указ. соч. С. 256.

Подполковник Г.И. ГЕРАСИМОВ,
кандидат исторических наук